

Покупатели в Павильоне Байбао встречались самые разные: от знатных дам до простых горожан. Однако, когда Ван Чжэнь и Тан Шэнь переступили порог, многие всё равно невольно засмотрелись на них. Тан Шэнь решил, что все взгляды устремлены на Ван Чжэня, и проговорил — отчасти искренне, отчасти с лестью:

— Стоит старшему брату-наставнику даже переодеться в простую одежду, а его выправка и благородство всё равно разительно отличают его от прочих.

Ван Чжэнь косо взглянул на него:

— Думаешь, смотрят только на меня?

Тан Шэнь недоумённо хлопнул глазами.

Ван Чжэнь лишь тихо улыбнулся и перевёл тему:

— Раз уж мы вошли, с чего начнём?

Приказчики в лавке, разумеется, узнали Тан Шэня. Один из них уже направился было к ним, но Тан Шэнь качнул головой, дав понять, что сам позаботится об этом госте.

— Возьми корзину, — пояснил Тан Шэнь. — Если что-то понравится, просто клади туда, а на выходе у противоположных дверей расплатишься.

Ван Чжэнь взялся за корзину непринуждённым и плавным движением.

Однако Тан Шэнь нахмурился. Ван Цзыфэн, облачённый в изысканные одежды и украшения, выглядел с этой простой плетёной корзиной до того нелепо, что смотреть на него было больно. Тан Шэнь тут же забрал корзину из его рук:

— Старший брат-наставник здесь гость, так что корзину понесу я.

И действительно: стоило Ван Цзыфэну избавиться от корзины, как он снова обрёл свой возвышенный, словно у небожителя, вид.

Вот так-то лучше.

Мысли Тан Шэня не укрылись от Ван Чжэня. Тот находил его ужимки довольно милыми, но ничего не сказал, лишь произнёс:

— Что ж, пойдём.

И они отправились осматривать Павильон Байбао.

На первом этаже Павильона Байбао продавались преимущественно товары повседневного спроса, поэтому покупателями были в основном простые жители Шэнцзина. Когда Ван Чжэнь и Тан Шэнь шли бок о бок, люди невольно провожали их взглядами. Тан Шэнь и не подозревал, что прохожие разглядывают не только Ван Чжэня, но и его самого.

За три года чиновничьей службы Тан Шэнь и сам успел приобрести солидность и строгую чиновную выправку.

К тому же, сам того не замечая, он ежедневно вращался в обществе людей вроде Ван Цзыфэна и перенял от старшего брата-наставника манеры: в каждом его жесте сквозила утончённость

благородного господина. Пусть это были манеры не с раннего детства, но они всё равно разительно отличали его от простолюдинов.

Справедливо говорят: с кем поведёшься, от того и наберёшься. Тот, кто постоянно шныряет по злачным местам, пропитывается духом уличного сброда; тот же, кто непрестанно читает и пишет, обретает благородную осанку мужа.

Ван Чжэнь сегодня проявлял ангельское терпение. Лишь детально осмотрев весь первый этаж, он поднялся на второй.

Вдвоём они обошли и весь второй этаж, пока не подошли к стеллажам со стеклянными зеркалами. В первые два дня после открытия Павильона Байбао покупателей, желавших приобрести зеркало, было так много, что у стеллажа яблоку негде было упасть. Теперь же стало спокойнее: те, кто хотел и мог купить, уже сделали покупку, а те, кому это было не по карману, зазря не глазели.

Ван Чжэнь редким образом проявил лёгкое изумление. Вглядевшись внимательнее, он произнёс:

— Отображение чётче, чем в серебряном зеркале.

Тан Шэнь улыбнулся.

Обычно зеркала делались либо из бронзы, либо из серебра. В домах простых людей счастьем было иметь хотя бы бронзовое зеркало, да и то паршивой работы, в котором лика было почти не разглядеть. Хорошие бронзовые зеркала чётко отражали облик владельца, а серебряные и вовсе были доступны лишь богачам. Серебряные зеркала стоили дорого, выглядели великолепно и давали очень чёткое изображение, почти не уступающее стеклянному. Однако серебряное зеркало всё равно не могло сравниться со стеклянным по прозрачности и, главное, по доступности цены. Поэтому, как только в Павильоне Байбао появились стеклянные зеркала, знатные дамы и барышни Шэнцзина тут же раскупили их в превеликом количестве.

— Самое сложное в этом деле — изготовление цветного стекла, — сказал Тан Шэнь. — В будущем Павильон Байбао наладит выпуск простых зеркал для первого этажа, чтобы и обычные люди могли себе их позволить.

Когда они уже собирались уходить, Тан Шэнь подал знак приказчику, и тот незамедлительно принёс зеркало высотой в человеческий рост.

В зеркале чётко отразились фигуры Тан Шэня и Ван Чжэня. Ван Чжэнь со сдержанным удивлением посмотрел на Тан Шэня, а тот усмехнулся:

— Это зеркало — подарок старшему брату-наставнику. Тебе ведь известно, что Его Величество повелел нашей семье Тан вставить цветные стеклянные окна во Дворце Чуйгун. Мастерская семьи Тан долго билась, пока не сумела изготовить столь большие и широкие листы стекла. Получив их, я сделал три таких больших зеркала.

Тут Тан Шэнь слегка прокашлялся:

— Одно предназначалось Его Величеству, а два других — тебе и учителю. Правда, ваши два зеркала выполнены чуточку грубее первого, поскольку узор для рамы проектировал я сам, и он вышел не столь изысканным, как на первом.

Ван Чжэнь на мгновение замолчал, а затем тихо улыбнулся:

— Это зеркало превосходно.

Тан Шэнь подумал про себя: «Значит, в этот раз я угадал с подарком?»

Прогулка по лавке принесла усладу обоим.

Сам не замечая как, Тан Шэнь взял в привычку делать подарки Ван Чжэню. Изначально это, возможно, делалось лишь ради лести и сближения, но со временем, видя искреннюю радость Ван Чжэня при получении подарков, Тан Шэнь и сам испытывал приятные чувства.

Ван Цзыфэн относился к нему с душой, и ему хотелось ответить тем же, а подарки служили отличным способом выражения благодарности.

В ту ночь Тан Шэню приснился чудесный сон. Проснувшись, он не мог вспомнить подробностей, но сохранил ощущение глубокой теплоты.

В конце четвёртого месяца Мастерская семьи Тан изготовила несколько десятков больших стеклянных панелей, которые доставили в императорский дворец, чтобы заменить окна во Дворце Чуйгун на настоящие стеклянные.

Чжао Фу изначально лишь к слову упомянул, чтобы Тан Шэнь заменил окна в его покое, лишь бы иметь повод осыпать Тан Шэня наградами и даровать семье Тан статус поставщиков двора. Кто бы мог подумать, что, увидев новые стеклянные окна, Чжао Фу придёт в неописуемый восторг! Он размахисто взмахнул кистью и лично начертил для внутреннего покоя Дворца Чуйгун новую табличку с надписью:

«Стеклянная обитель небожителей»!

Окна, целиком выполненные из стекла! Пожалуй, даже в небесных чертогах, где обитают бессмертные, размах был бы не больше!

Чжао Фу пребывал в превосходнейшем расположении духа и щедро одарил Тан Шэня. Но разом с тем возложил на него новое поручение:

— Цзинцзэ, а почему бы тебе не заменить окна на стеклянные и во Дворце Цычэнь, и во Дворце Дацин... да и во всех остальных?

Тан Шэнь про себя мысленно застонал, но вслух твёрдо произнёс:

— Для вашего покорного слуги это величайшая честь! Я не посрамлю доверия Его Величества!

Изготовление больших стеклянных панелей давалось с трудом, так что Мастерской семьи Тан снова предстояло работать день и ночь.

Тем временем дела в Павильоне Байбао постепенно вошли в стабильное русло, и Тан Шэнь шаг за шагом передавал управление торговлей в руки Тан Хуан и управляющего Лу.

В третьей декаде пятого месяца Тан Шэнь разбирал доклады во Дворце Циньчжэн. Раскрыв один из документов, прибывших из отдалённой провинции, он погрузился в чтение. Постепенно взгляд Тан Шэня становился всё более суровым и озабоченным. Дочитав до конца, он перевернул страницу и перечитал всё заново от начала до конца.

Тщательно всё взвесив, Тан Шэнь принял решение. С докладом в руках он направился в покои Сюй Би.

Поклонившись, Тан Шэнь произнёс:

— Сюй Линхоу, ваш покорный слуга Тан Шэнь наткнулся сегодня на один доклад и хотел бы доложить вам, прежде чем составлять краткую выжимку.

Сюй Би отложил книгу:

— О? Что за доклад? Дай-ка взглянуть.

Тан Шэнь с глубоким почтением подал документ.

Сюй Би пролистал доклад. Дочитав, он со смешком молвил:

— Не думал я, что в землях Шу происходят такие любопытные вещи. Замена монет бумажными деньгами — идея и впрямь неплохая. Дороги там крутые и опасные, с внешним миром связь затруднена, оттого они и живут словно маленькое самоуправляемое государство. — Помолчав, Сюй Би добавил: — Впрочем, эти слова останутся лишь между нами двоими, только в стенах этого покоя.

Тан Шэнь почувствовал лёгкий трепет и с готовностью ответил:

— Слушаюсь.

Сюй Би продолжил:

— Если бы замена монет бумажными деньгами возникла где-нибудь в другом месте, это вызвало бы изумление, но для земель Шу подобное удивления не вызывает. Доклад действительно небезынтересный. Оставь его у меня, сегодня я лично передам его Его Величеству. А ты можешь идти.

— Слушаюсь.

Тан Шэнь покинул покои Сюй Би, однако мысли его оставались в смятении, и он никак не мог успокоиться.

Бумажные деньги, появившиеся сейчас в землях Шу Великой Сун, ещё не именовались «цзяоцзы», как в его памяти из прежней жизни — у них пока вовсе не было названия. Однако Тан Шэнь прекрасно понимал: замена монет бумажными деньгами — это необратимый исторический процесс. Если подойти к этому делу с умом, можно свершить нечто поистине великое и вывести экономическое процветание Великой Сун на совершенно новый уровень!

Если судить по истории того мира, откуда он был родом, распространение «цзяоцзы» по всей стране заняло далеко не день и не два. Во всяком случае, при жизни Чжао Фу этого точно не случится. Возможно, даже сам Тан Шэнь не доживёт до этого дня.

Но как же ускорить внедрение бумажных денег в масштабах всей страны?

Обратиться к Сюй Би?

Сюй Линхоу, хотя некогда и обладал выдающимся государственным умом, в последние годы отстранился от активных дел. Он избегал борьбы, крайне редко высказывал своё мнение по

государственным вопросам и придерживался правила: не стремиться к заслугам, лишь бы не совершить ошибки. Попытаешься обсудить с ним нечто подобное — он наверняка отмахнётся.

Тан Шэнь размышлял и так, и эдак. Он не стал возвращаться в помещение для чиновников четвёртого ранга, а отправился в общий зал, который делили Министр финансов и Министр ритуалов.

Министр ритуалов Мэн Лан как раз раздавал указания подчинённым относительно подготовки к церемонии жертвоприношения в конце месяца. Увидев вошедшего Тан Шэня, он изгибом брови выразил удивление.

<http://bllate.org/book/18292/1754575>